

ЯКИМОВА Е.В.* СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматриваются современные формы суррогатного материнства в контексте сравнительной этнографии. В противовес доминирующему в социальных науках и СМИ идеологическому прочтению этих практик в терминах морали, религии, политики и личностной мотивации, а также оценочной их интерпретации как абсолютного зла либо апофеоза гуманизма, авторы статей, вошедших в обзор, концентрируются на конкретных социоструктурных (экономических, расовых, гендерных, классовых) аспектах суррогатного материнства в контексте глобального транснационального рынка репродуктивных услуг и в условиях отдельных регионов (глобальный Север и глобальный Юг).

Ключевые слова: сравнительная этнография; суррогатное материнство; «суррогатный бизнес»; вспомогательные репродуктивные технологии; искусственная инсеминация; гестационный носитель; генетическое родство; национальная идентичность; гражданство; социальное неравенство; эксплуатация; глобальный Север и глобальный Юг.

Для цитирования: Якимова Е.В. Суррогатное материнство в транснациональной сравнительной перспективе. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2023. – № 1. – С. 55–74. DOI: 10.31249/rsoc/2023.01.05

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

Статья поступила: 09.01.2023.

Принята к публикации: 20.01.2023.

YAKIMOVA E.V.** Surrogacy in a transnational comparative perspective. (Literature review)

Abstract. The literature review examines contemporary forms of surrogacy in the context of comparative ethnography. In contrast to the ideological reading of these practices in terms of morality, religion, politics, and personal motivation, which dominates in the social sciences and mass media, as well as their evaluative interpretation as an absolute evil or apotheosis of humanism, the authors of the articles included in the review focus on specific socio-structural (economic, racial, gender, class) aspects of surrogacy in the context of the global transnational market of reproductive services and in the context of individual regions (the global North and the global South).

Keywords: comparative ethnography; surrogacy; «surrogate business»; assisted reproductive technology; artificial insemination; gestational carrier; genetic parentage; national identity; citizenship; social inequality; exploitation; global North and global South.

For citation: Yakimova E.V. Surrogacy in a transnational comparative perspective. (Literature review). *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology]. – 2023. – N 1. – P. 55–74. DOI: 10.31249/rsoc/2023.01.05

Received: 09.01.2023.

Accepted: 20.01.2023.

В обзор включены статьи из тематического выпуска *International journal of comparative sociology*¹ (2022, Vol. 63, N 5–6), посвященные суррогатному материнству (далее – СМ) в его геста-

** Yakimova Ekaterina Vital'evna – Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

¹ См. сайт журнала: *International journal of comparative sociology*. – URL: <https://journals.sagepub.com/home/cos> (accessed: 20.01.2023).

ционной форме¹. Как отмечают в своем предисловии редакторы-составители данного выпуска А. Кёниг (Свободный университет Берлина, Германия), А. Виттакер (Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия), Т. Герритс (Амстердамский университет, Нидерланды) и В. Рози (Национальный институт демографических исследований, г. Париж, Франция), в нынешнем столетии СМ вышло за пределы национальных медицинских практик, превратившись в динамичный транснациональный обмен донорами генетического материала, эмбрионами, гестационными носителями и репродуктивными услугами между странами глобального Севера и глобального Юга, а также внутри государств, входящих в эти базовые сектора мировой экономики и культуры [Shifting surrogacies, 2022]. Кёниг и ее соавторы подчеркивают, что феномен СМ в XXI в. существенно отличается от прежних, локальных его форм, поскольку на протяжении двух последних десятилетий происходит формирование глобальной «репродуктивной сети» (reproweb) с постоянно меняющимися крупными точками концентрации пред-

¹ Гестационное суррогатное материнство – разновидность вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ; оплодотворение *in vitro* впервые осуществлено в 1978 г.), когда женщина (суррогатная мать) вынашивает ребенка для других людей (потенциальных, или предполагаемых родителей) с условием передачи им младенца после его рождения. *Традиционный вариант СМ* выглядит следующим образом: мужчина (один из предполагаемых родителей в гетеросексуальной паре) предоставляет свою сперму для оплодотворения яйцеклетки суррогатной матери путем искусственной инсеминации. В этом случае суррогатная мать одновременно является биологической матерью будущего ребенка и связана с ним генетически. В практике *гестационного СМ* используются донорские ооциты: яйцеклетка донора оплодотворяется в лаборатории, эмбрион переносится в тело матки суррогатной матери (гестационного носителя), которая вынашивает плод, не связанный с ней генетически, а затем передает новорожденного потенциальным родителям. Возможны как альтруистические (безвозмездные) формы гестационного СМ (с участием, например, кровных родственников), так и коммерческие, когда женщина, выносившая и родившая ребенка, получает вознаграждение за свои услуги. Эти медико-технические аспекты гестационного СМ в современных условиях имеют значимые социальные и социологические измерения на фоне существенных национальных и региональных различий в практиках его реализации (уровень экономического развития страны, специфика национальной системы здравоохранения, культурно-исторический контекст, моральные и гендерные стереотипы института семьи и брака, законодательное регулирование).

ложений в сфере СМ (reprohubs) и растущим числом соответствующих «агентов» (repropreneurs) в разных уголках мира. Эта динамика способствует формированию «рынка гестационных репродуктивных услуг и мультинационального СМ», в контексте которого «гаметы, эмбрионы, доноры яйцеклеток и гестационные курьеры легко пересекают границы национальных государств, способствуя решению проблем, связанных с СМ» [ibid., p. 239]. Поэтому изучение современных практик СМ требует применения методов компаративистской этнографии.

К числу факторов, которые делают актуальным социологический анализ СМ в текущем столетии, следует отнести радикальные изменения социальных представлений и юридических процедур, касающихся института семьи и брака, на фоне растущих притязаний гомосексуальных и иных нетрадиционных партнерских союзов на статус полноценной семьи с детьми (бисексуалы, гей-партнеры, лесбиянки, трансгендеры, квир и т.п.), продолжают авторы предисловия. С наступлением третьего тысячелетия во всем мире заметно возрос спрос на СМ, обусловленный глобальными социально-демографическими и экологическими причинами (рост уровня женского и мужского бесплодия, юридическое признание негетеросексуальных пар в качестве супругов, экономические и иные предпосылки «отложенного материнства»). Популярность транснационального гестационного СМ в наши дни связана также с изменениями в законодательстве тех государств (Индия, Таиланд, 2015–2018), которые до недавнего времени являлись основными поставщиками репродуктивных услуг для иностранцев по сравнительно низким ценам. Предпосылкой запрещения в этих странах СМ с участием граждан других стран стали публичные скандальные судебные разбирательства в связи с юридическими и моральными проблемами по установлению гражданства «детей из пробирки» (национальная идентичность) и их генетического родства с суррогатной матерью и / или потенциальными родителями (личностная идентичность). Существенным фактором формирования подвижного рынка гестационных курьеров и репродуктивных услуг выступает также финансовая сторона дела, поскольку стоимость СМ заметно различается в странах глобального Севера и глобального Юга. Динамика этого рынка обусловлена, кроме того, расхождениями в законодательном регулировании СМ в разных

странах. Так, в Австралии, Великобритании, ФРГ, Дании, Израиле разрешены только альтруистические формы СМ; в Польше, Бельгии, Греции, Испании, Финляндии, Чехии данные медицинские практики никак не регулируются законом; во Франции, в ряде штатов США, а также в КНР и Бразилии запрещены любые, в том числе безвозмездные, виды СМ; в настоящее время СМ с участием иностранцев и родителей-одиночек запрещено в Индии и Таиланде, тогда как в большинстве штатов США, в России, Казахстане, Грузии и на Украине, а также в Лаосе, ЮАР и Гане закон не препятствует применению репродуктивных технологий в любой форме [Shifting surrogacies, 2022, p. 237]. Статья 3 Хартии Европейского союза по основным правам человека¹ запрещает использование человеческого тела и его частей в качестве источника финансовой выгоды, однако в действительности это требование соблюдают не все входящие в ЕС государства, замечают авторы предисловия. Таким образом, нестыковки в законодательстве разных стран, в том числе – по вопросам национальной и персональной идентичности детей, появившихся на свет путем гестационного СМ, а также финансовые аспекты предоставления таких услуг в разных уголках мира содействуют распространению транснационального обмена генетическим материалом, гестационными носителями (курьерами) и медицинскими техниками в глобальном масштабе. Новейшие цифровые и коммуникационные технологии и возможности современной логистики, в свою очередь, облегчают и ускоряют процессы создания и распространения репросетей по всему миру, заключают Кёниг и ее соавторы.

В кратком обзоре социологических, антропологических и этнографических исследований современного СМ (с конца 1990-х годов по настоящее время) авторы выделяют следующие ключевые темы: постоянно расширяющаяся география эмпирической работы (вслед за проникновением практик СМ из стран глобального Севера в государства глобального Юга); анализ идеологических аспектов гестационного СМ (моральных, политических, культурных, религиозных) с привлечением материалов СМИ; осмысление СМ как целостного явления, с учетом социально-экономических,

¹ См.: Хартия Европейского союза по основным правам человека (Страсбург, 12 декабря 2007 г.). // Гарант.ру. – URL: <https://base.garant.ru/2566559/> (дата обращения: 20.01.2023).

классовых, расовых, гендерных и тому подобных составляющих; рассмотрение вспомогательных репродуктивных технологий в социально-критическом контексте феминизма [Ragoné, 1994; Rudrappa, 2015; Jacobson, 2016; König, Jacobson, 2021].

По мнению А. Кёниг, следует расширить границы социологического мейнстрима в осмыслении феномена СМ, сделав акцент на конкретных эмпирических особенностях его реализации в конкретных условиях разных стран. Для решения этой задачи необходим сравнительный анализ этнографических данных, полученных с привлечением всех участников процесса (суррогатных матерей, потенциальных родителей, медицинского персонала клиник, посредников и курьеров, дипломатов и юристов), а также опыт включенного наблюдения. Этнографическая компаративистика не только обогатит эмпирическим материалом социальное знание, касающееся СМ, но позволит увидеть общее и особенное в осуществлении практик СМ в разных странах мира, а также осмыслить их как современное глобальное явление, реализующееся в виде совокупности разных вариантов в социально-экономических и культурных условиях различных регионов. В связи с этим к участию в тематическом выпуске привлекались только те авторы, которые провели самостоятельные эмпирические исследования, касающиеся СМ, причем таким образом, что тот или иной аспект проблемы освещался сразу двумя учеными, удовлетворяя требованию сравнительного мультинационального анализа. При том, что участники тематического выпуска уделяли определенное внимание личным, мотивационным и моральным аспектам выбора субъектов в пользу СМ (как доноров, так и заказчиков и организаторов процесса), фокусом работы оставалось практическое (но не «идеологическое» – политическое, нравственное, религиозное либо гендерно обусловленное) измерение СМ как реализованного в конкретных условиях конкретной страны. Сравнительная этнография, пишут в заключение Кёниг и ее соавторы, позволяет сопоставить локальную специфику этих практик в пределах тех ли иных национальных границ и проследить их динамику в контексте процессов глобализации в современном мире [Shifting surrogacies, 2022, p. 239].

Одно из новых направлений в исследовании транснационального СМ, которое пока не востребовано социологическим

мейнстримом, предлагают А. Кёниг и А. Маджумдар (Индийский технологический институт в г. Хайдарабаде) [König, Majumdar, 2022]. Статья освещает нюансы «бумажной работы» (paperwork) в сфере гестационного СМ с участием иностранных граждан (суррогатных матерей, доноров, потенциальных родителей, медицинского персонала, посредников, адвокатов и юристов, чиновников и работников консульств). Кёниг и Маджумдар описывают юридические и бюрократические процедуры, необходимые для оформления и выдачи официальных документов, без которых факт рождения ребенка и его родственные связи с потенциальными родителями, а также гражданская принадлежность будут нелегитимны. Речь идет о сложных, противоречивых и весьма запутанных «бумажных составляющих бюрократической волокиты», которая сопровождает процесс юридического установления личностной и национальной идентичности «детей из пробирки», рожденных суррогатной матерью в одной из стран глобального Юга (в данном случае – Индии) для «заказчиков, являющихся гражданами государства глобального Севера (в данном случае – ФРГ). В условиях коммерческого мультинационального гестационного СМ, поясняют свою мысль авторы, бюрократические процедуры установления личности и гражданства новорожденного, а также родительских прав «заказчиков» осложняются таким серьезным обстоятельством, как принципиальные различия национального законодательства (разные юридические основания для признания женщины / мужчины матерью / отцом «ребенка из пробирки»; легитимных процедур установления его национальности и гражданства; правомочности родителей в отношении ребенка, рожденного иностранной суррогатной матерью; возможности покинуть страну, в которой зафиксирован факт его появления на свет и т.п.). Вследствие законодательных разночтений и путаницы в базовых юридических понятиях транснациональное СМ осложняется длительными судебными разбирательствами и тяжбами между представителями закона той страны, где был выношен и произведен на свет ребенок, и потенциальными родителями, отстаивающими свое право быть признанными таковыми юридически и фактически. Как показывает практика, подобные тяжбы могут длиться годами, и на протяжении всего этого времени уже рожденный ребенок существует «в подвешенном состоянии с точки зрения закона»: «он реален и в то же время его

нет», так как «его реальность нелегитимна» [König, Majumdar, 2022, p. 248–251].

В современной литературе, касающейся проблем СМ, юридические аспекты обычно обсуждаются только применительно к правам и обязанностям гестационных носителей и «заказчиков», тогда как проблемы легитимной идентичности ребенка остаются в тени, замечают авторы. Между тем, материалы судебных разбирательств свидетельствуют о том, что «навигация родства и гражданства» является едва ли не самым существенным фактором, регулирующим динамику транснационального обмена донорами, гестационными носителями и генетическим материалом между глобальным Севером и глобальным Югом. «Транснациональное СМ, – пишут в этой связи Кёниг и Маджумдар, – в значительной степени зависит от документооборота, без которого в современных условиях эти практики неосуществимы» [König, Majumdar, 2022, p. 250]. В перечень документов, обязательных для легитимации прав «ребенка из пробирки» и его потенциальных родителей, входят контракты последних с гестационным носителем, посредниками, клиниками и лабораториями, донорами генетического материала, банками, а также сертификаты, удостоверяющие родственные отношения младенца и его будущих родителей. Сюда же относится и свидетельство о рождении ребенка (с указанием его имени и фамилии, фамилий родителей, места рождения и гражданства). Только при соблюдении всех национальных бюрократических процедур и надлежащем оформлении бумаг и сертификатов родители и ребенок получают возможность покинуть страну пребывания / рождения и вернуться на родину родителей.

При работе над статьей Кёниг и Маджумдар использовали материалы собственных эмпирических исследований практики СМ с участием иностранных граждан в Индии (суррогатная мать – индианка, бездетные супруги и гей-пары из Германии). Эти лонгитюдные проекты были реализованы незадолго до того, как в Индии запретили СМ с участием иностранцев. Авторы использовали такие методы, как включенное наблюдение, интервью и беседы (с участием гестационных носителей, медиков, владельцев клиник и лабораторий, потенциальных родителей, доноров генетического материала, а также юристов, адвокатов, сотрудников иностранных консульств в Индии), а также публикации в местных СМИ, осве-

щавших судебные процессы в этой сфере. Особенностью своего подхода авторы считают «анализ информации-как-вещи», или изучение документов и сертификатов в их овеществленной, материализованной форме, как то, что можно увидеть, потрогать и физически передать из рук в руки в ходе «бумажной работы». Таким образом, документы и сертификаты, легитимирующие права ребенка и родителей, фигурируют в статье как «овеществленное бытие», находящееся «в физически осязаемом обороте» и таким образом «связывающее между собой людей и страны» [König, Majumdar, 2022, p. 250].

Стержнем этих овеществленных документов является легитимация родственной, национальной и гражданской идентичностей «детей из пробирки». При этом документооборот «подтверждающих легитимных удостоверений» отражает социально-экономическую асимметрию глобального Севера и глобального Юга, а также является наглядным выражением отношений подчинения и власти, считают авторы статьи. В рамках транснационального СМ это выглядит как осуществление юридической власти чиновников: «документы, подтверждающие ту или иную форму идентичности, становятся пространством для реконфигурации отношений власти и знания; важно не то, что зафиксировано в документе, а то, как этот документ формирует отношения между людьми» [König, Majumdar, 2022, p. 251]. Иначе говоря, юридические и бюрократические процедуры становятся средствами манипуляции в ходе «бумажной работы как процесса, наделенного статусом власти» [ibid.]. Именно по этой причине противоречия в законодательстве стран глобального Севера и глобального Юга (трактовки гражданства, генетического родства, материнства / отцовства, прав и обязанностей суррогатных матерей и «заказчиков») становятся сегодня фокусом сравнительного этнографического анализа СМ, заключают Кёниг и Маджумдар.

Переходя к обсуждению реальной «силы» бюрократических процедур и материализованных документов, опосредующих легитимацию идентичности «детей из пробирки» и их предполагаемых родителей, авторы подробно описывают перипетии двух самых шумевших судебных разбирательств, имевших место в Индии в 2008–2010 гг. Оба случая были связаны с установлением и подтверждением прав предполагаемых родителей из Германии и их

родственных связей с детьми, рожденными в Индии суррогатной матерью-индианкой с участием отца – гражданина ФРГ и анонимного местного донора яйцеклетки. В обоих случаях проблематичной оказалась процедура выдачи новорожденным свидетельства о рождении и документа о гражданстве, а также выезд предполагаемых родителей с уже рожденными детьми в Германию. Эти сложности были обусловлены как объективными причинами (несстыковки в национальных законодательных системах Германии и Индии), так и амбициями чиновников и сотрудников консульств, обеспокоенных «снижением государственного статуса» таких документов, как гражданский паспорт: индийская сторона настаивала на том, что дети рождены индийской женщиной на территории Индии и потому не могут быть беспрепятственно вывезены в Германию. Кроме того, у одного из чиновников возникли сомнения в том, что суррогатная мать-индианка на самом деле не состояла в браке, в таком случае она должна быть признана биологической матерью ребенка, а ее супруг – его отцом. Немецкая сторона, в свою очередь, препятствовала выдаче детям немецких паспортов на том основании, что СМ запрещено в этой стране по моральным соображениям, хотя один из генетических родителей детей являлся гражданином ФРГ.

Кёниг и Маджумдар приводят множество примеров расхождений в национальном законодательстве, которые чреваты проблемами при установлении родственных связей и гражданства «детей из пробирки». Так, в Индии эти процедуры протекают по-разному в зависимости от конкретной ситуации СМ; на Украине предполагаемые родители автоматически становятся родителями ребенка сразу после его появления на свет; в ФРГ и Швейцарии материнство подтверждается самим актом рождения младенца (в том числе – суррогатной матерью), вне зависимости от генетического родства, а муж такой женщины или любой другой мужчина признается отцом. В соответствии с традициями римского права, само намерение стать родителями является здесь основанием для признания родительства. Не менее запутаны и национальные основания для подтверждения гражданства новорожденных в разных уголках мира («по территории» и «по крови»). Так, в США, Канаде, большинстве государств Центральной и Южной Америки гражданином страны признается любой младенец, появившийся на

свет на ее территории, тогда как в ФРГ, Израиле, Таиланде ребенок может получить гражданство только в том случае, если гражданином данной страны является хотя бы один из его родителей.

В случаях с потенциальными родителями-иностранцами, описанных в статье Кёниг и Маджумдар, ситуация разрешилась путем компромисса: индийская сторона выдала немецким гражданам временные выездные документы, чтобы они смогли покинуть страну пребывания вместе с детьми; в свою очередь, немецкая сторона не препятствовала ввозу в страну «детей из пробирки», но потребовала соблюдения процедуры их усыновления в соответствии с местным законодательством. Тем не менее бумажная волокита, продолжавшаяся около двух лет, привела к тому, что рождение детей суррогатной матерью для иностранных потенциальных родителей на протяжении двух лет оставалось «юридически не согласованным мероприятием» [König, Majumdar, 2022, p. 259].

По мнению Кёниг и Маджумдар, принимающая сторона оказалась в более выгодном положении, чем страна пребывания, транслируя таким образом в сферу коммерческого СМ многоаспектную асимметрию глобального Севера и глобального Юга. Социально-экономическое неравенство и эксплуатация развивающихся стран являются сегодня общим местом в исследованиях, посвященных коммерческому СМ. С этой точкой зрения не согласны Х. Якобсон (Техасский университет в Арлингтоне, США) и ее соавтор из Франции В. Розе [Jacobson, Rozeé, 2022]. Они подчеркивают, что в академических работах, в публикациях СМИ и в общественном мнении сформировалось устойчивое, но крайне упрощенное представление о транснациональном коммерческом СМ как совокупности медицинских практик и услуг, ассоциированных с социоструктурным неравенством развитых и развивающихся стран, и гендерной / расовой / классовой эксплуатацией суррогатных носителей из стран глобального Юга. Причем как в специальной, так и в популярной литературе на эту тему «голос суррогатных матерей практически не слышен»: последние позиционируются как пассивные, бесправные жертвы обстоятельств и экономического принуждения, которые вынуждены продавать свое тело, чтобы спасти от голода собственных детей. В основной массе публикаций, касающихся СМ, субъективная мотивация ге-

стационарных носителей не принимается в расчет, равно как и их право на выбор и принятие решений, констатируют Якобсон и Роззи. Эта тенденция к виктимизации женщин – суррогатных матерей и освещение практик СМ преимущественно с идеологических позиций (с привлечением политических, моральных, религиозных, культурно-исторических аргументов) препятствуют всестороннему изучению современных форм СМ в национальных и мультинациональных контекстах. Кроме того, подобная трактовка поддерживает полярные оценочные стереотипы в отношении СМ, которое трактуется либо как абсолютное зло и проклятие человечества, либо в качестве наивысшего проявления гуманизма и альтруизма.

Не оспаривая фактической асимметрии, эксплуатации и нарушения социальной справедливости в отношениях глобального Севера и глобального Юга (которые, вне всяких сомнений, имеют место и на рынке транснациональных репродуктивных услуг), авторы настаивают на необходимости тщательного эмпирического изучения конкретных условий предоставления этих услуг в разных регионах мира, а также – анализа субъективных позиций женщин, принявших решение стать гестационными носителями в силу тех или иных причин. Приоритетом академической работы в сфере СМ должны стать «локальные голоса и локальные перспективы», которые, наряду с осмыслением социально-классовой, расовой и гендерной динамики, позволят «конкретизировать понимание способов воздействия социоструктурного неравенства на практики СМ и жизненный опыт всех участников», резюмируют свою позицию авторы [Jacobson, Rozeé, 2022, p. 286, 291].

В соответствии с этой методологической установкой Якобсон и Роззи в своей работе используют идеи символического интеракционизма и социального конструкционизма. Каждая из них реализовала собственный лонгитюдный проект эмпирического изучения локальных условий предоставления услуг в сфере гестационного СМ (в США и в Индии). Оба региона (Индия – до недавнего времени) могут быть причислены к разряду «репрохабов» (reprohubs) – крупнейших мировых мест сосредоточения услуг в сфере СМ. В США активно практикуются как внутринациональные, так и транснациональные формы СМ (за исключением нескольких штатов); Индия (до 2015 г.) также являлась крупнейшим

в Азии локусом СМ. В 2009–2013 гг. Якобсон провела 63 интервью в Калифорнии и Техасе с участием широкого круга людей, которые имели отношение к гестационному СМ. К опросам привлекались родственники суррогатных матерей, потенциальные родители, медики, агенты, посредники, семейные адвокаты и, разумеется, сами гестационные носители. Якобсон сопровождала женщин – участниц проекта на всех этапах их «путешествия» (с момента «вербовки» и вплоть до постнатального периода) и имела возможность беседовать с каждой лично и знакомиться с их постами в социальных сетях. Цель проекта, по словам Якобсон, состояла в сборе этнографических данных и соответствующей информации для выявления специфики гестационного СМ в США с учетом личного опыта и жизненных траекторий суррогатных матерей [Jacobson, Rozeé, 2022, p. 287]. В. Роза проделала аналогичную работу в ряде индийских штатов, где в 2013–2014 гг. опросила 33 профессионалов из пяти клиник, а также восьмерых потенциальных родителей (индийских эмигрантов и австралийцев) и 33 суррогатных матерей (все – индианки), которые на момент опроса были беременны или уже произвели на свет ребенка. Целью проекта, по замечанию Роза, являлся сбор информации о релевантном опыте опрошенных субъектов СМ и их трактовках происходящего – с последующей интерпретацией этих данных «в гендерной перспективе» [ibid].

Материалы исследовательских проектов позволили авторам выбрать характеристики СМ в его современной форме, которые имеют первостепенное значение для теоретического и эмпирического осмысления этого явления: СМ – это медико-социальные практики, представляющие собой особый вид репродуктивного труда, который включен в глобальную транснациональную структуру современных репродуктивных сетей (reprowebs) и обладает специфическими локальными особенностями. В качестве разновидности труда СМ реализуется как способность к воспроизводству себе подобных. Еще в начале 1990-х годов сторонники феминизма отстаивали идею о том, что трактовка репродуктивного труда как отличного от иных форм неоплачиваемой домашней работы свидетельствует о гендерной дискриминации в современном обществе. Сегодня гестационное СМ нередко рассматривают как «услугу заботы», отчужденный труд, социальную или интимную

работу и даже как «скрытый» (завуалированный) труд, замечают авторы статьи. По их мнению, интерпретация СМ в терминах трудовой деятельности дает возможность увидеть в этом явлении социальный конструкт, участвующий в формировании жизненного опыта и перспектив для тех, кто имеет отношение к данной сфере [Jacobson, Rozeé, 2022, p. 288]. Кроме того, конструкционистская интерпретация практик СМ освобождает исследователя от биполярного подхода к этому явлению как однозначному проявлению жесткой эксплуатации и дискриминации либо абсолютной личностной и гендерной свободы.

Являясь элементом глобальной «репосети», СМ в его локальных формах участвует в непрерывной динамике мирового рынка репродуктивных услуг, концентрируясь то в одном, то в другом уголке мира. Подвижный характер таких локаций служит предостережением против категоричного вывода об «эксплуатации Юга Севером» и делает актуальным исследование конкретных условий предоставления репродуктивных услуг в национальных и мультинациональных контекстах, замечают авторы. Именно здесь особая роль принадлежит включенному наблюдению и изучению межличностных контактов и жизненных перспектив людей, участвующих в «суррогатном бизнесе».

Сравнительный анализ данных, полученных авторами в ходе исследований СМ в странах, представляющих глобальный Север (США) и глобальный Юг (Индия), показывает, что практики гестационного СМ ситуативно обусловлены социально-экономическими и «жизненными» условиями своего осуществления и, вместе с тем, демонстрируют схожие черты (как элементы глобальной транснациональной репосети), пишут в заключение Якобсон и Розе. Как оказалось, «громкие заявления о повсеместной расовой экономической дискриминации обездоленных, нуждающихся цветных женщин со стороны белых потенциальных родителей не соответствуют жизненным реалиям тех, кто сегодня вовлечен в СМ» [Jacobson, Rozeé, 2022, p. 297]. В частности, уровень материального благосостояния индианок, сделавших выбор в пользу гестационного СМ, как правило, сопоставим с уровнем жизни среднего класса в Индии (или выше этого уровня); в США суррогатными матерями не могут стать женщины, живущие на пособие. Иными словами, в обоих регионах женщины выбирают СМ

не вследствие крайней нищеты, но как приемлемый способ улучшения жизни своих семей. При этом «коммерциализация репродуктивной способности» представляется им меньшим злом, чем малооплачиваемый унижительный труд, чреватый насилием (сбор отходов или труд на вредном производстве). Как в США, так и в Индии доминирует монорасовый подход к выбору доноров генетического материала и гестационного носителя; кроме того, поведение и мотивация суррогатных матерей в Индии соответствуют национальным гендерным стереотипам этой страны и не рассматриваются самими участницами в качестве акта принуждения или насилия. Эти и подобные факты, выявленные в ходе эмпирической работы в США и Индии, служат подтверждением исходной позиции Якобсон и Розы, убежденных в том, что академическое изучение СМ в социальных науках должно базироваться не на спекуляциях и стереотипах, а на эмпирических фактах.

Статья А. Виттакер, Т. Герритс и их коллеги из Университета Де Монфор (г. Лестер, Великобритания) К. Вейс посвящена локальным рынкам репродуктивных услуг (вспомогательные репродуктивные технологии – ВРТ, в том числе – гестационное СМ), которые регулируют «суррогатный бизнес» в странах глобального Юга [Whittaker, Gerrits, Weis, 2022]. Авторы опираются на свой опыт эмпирической работы (опросы, интервью, включенное наблюдение, кибер-этнография) в трех странах, где в последние годы СМ крайне востребовано и практикуется в ограниченных, но весьма впечатляющих масштабах: Гана, Казахстан и Лаос. В каждой из названных стран СМ располагает солидной клиентской базой (потенциальные родители негроидного и азиатского происхождения), подкрепляется собственным банком генетического материала и имеет в своем распоряжении достаточное количество добровольных суррогатных носителей. Учитывая подвижный характер мирового рынка репродуктивных услуг, а также то обстоятельство, что в последние годы многие крупные локусы СМ (reprohubs) оказались под запретом, роль региональных «узлов» (repronubs) в глобальной репросети (reproweb) становится все более очевидной, замечают Виттакер и ее коллеги.

Интерес к выбранным регионам глобального Юга обусловлен, по словам авторов, тем, что до сих пор социологи интересовались в основном гестационным трансфером «с Севера на Юг» и

обратно, тогда как динамика рынка репродуктивных услуг в африканских и азиатских странах (помимо репрохабов типа Индии и Таиланда) оставалась в тени. Между тем, начиная с 2001 г. предложения такого рода в государствах глобального Юга неуклонно растут, однако «обмен» происходит преимущественно внутри региона, с участием потенциальных родителей из африканских и азиатских стран и мировых диаспор. Популярность региональных (локальных) мест концентрации ВРТ в развивающихся странах обусловлена рядом причин – экономическими (относительно низкая стоимость услуг такого рода по сравнению с западными странами; стремительный рост среднего класса, которому становятся доступны ВРТ, в ряде африканских государств, а также в КНР), юридическими (относительная простота бюрократических процедур по установлению родства и гражданства, а также получения паспорта и разрешения на выезд, неразвитость правового регулирования СМ или его полное отсутствие), расовые (расовая идентичность предполагаемых родителей, доноров генетического материала и суррогатных матерей).

Выбор исследовательницами трех конкретных стран глобального Юга в качестве объектов анализа локальных репрохабов был обусловлен не только спецификой местного «суррогатного бизнеса» в рамках глобальной репросети, но и различиями в его организации внутри региона. Эти различия касаются как объема и качества услуг, ассоциированных с СМ, так и уровня медицинского сопровождения гестационных носителей в период беременности и в постнатальной фазе. Ключевой фигурой реализации СМ и прочих ВРТ в каждой из трех стран авторы статьи считают «репро-пренера», или «брокера на репродуктивной бирже» [Whittaker, Gerrits, Weis, 2022, p. 306]. Речь идет о людях (служащих соответствующих компаний или владельцах профильных посреднических агентств), которые создают структурные и материальные условия для осуществления необходимых медицинских манипуляций, с одной стороны, и их организационного сопровождения – с другой (вербовка и отбор волонтеров, реклама клиник и специалистов, трансфер эмбрионов и суррогатных матерей, создание для последних комфортных бытовых условий, помощь в оформлении необходимых документов, содействие в получении свидетельств, паспортов и сертификатов). В пределах новых региональных

локализаций ВРТ репропренеры воплощают в жизнь транснациональные (международные, кросс-границные и т.п.) формы СМ в его новых проявлениях. Социальным капиталом, который они активно используют в своей работе, служат знание местных обычаев и стереотипов, владение родным языком «клиентов», а также возможность объясняться на одном или нескольких европейских языках, подчеркивают Виттакер и ее соавторы.

В ходе сравнительного этнографического анализа данных, характеризующих локальные практики СМ в трех странах, авторы идентифицировали их ключевые особенности (по сравнению с известными мировыми репрохабами) и ряд сходных характеристик, типичных для новых локусов ВРТ в странах глобального Юга. В Гане гестационное СМ применяется с 1990 г., в Казахстане – с 1998, в Лаосе – только с 2015 (после того, как «суррогатный бизнес» попал под запрет в Индии, Непале, Камбодже и Таиланде). Виттакер, Герритс и Вейс солидарны с Х. Якобсон и В. Розе в том, что трактовка СМ исключительно в терминах сомнительной с точки зрения морали «фабрикации белых детей», выношенных цветными женщинами для состоятельных европейских заказчиков, упрощает реальную картину и оставляет за скобками «суррогатный взаимообмен» между государствами глобального Юга [Whittaker, Gerrits, Weis, 2022, p. 307].

Т. Герритс собирала эмпирический материал в двух частных клиниках Ганы в 2012–2013 гг. (в стране нет государственных медицинских услуг в этой сфере); были опрошены 32 женщины и 6 мужчин из числа пациентов, посещавших процедурный кабинет, а также 12 медиков и 6 суррогатных матерей. Все опрошенные являлись франкоязычными гражданами Ганы или представителями африканской диаспоры. Фокусом исследования выступали происхождение опрошенных и характер их мобильности в рамках «суррогатного путешествия». Автор также взяла интервью у руководителей Ассоциации бездетных пар в Гане и у владельцев крупных посреднических агентств [ibid., p. 309]. К. Вейс, в свою очередь, предприняла лонгитюдное эмпирическое исследование в России (Санкт-Петербург) и в Казахстане (в 2014–2015 гг. – полевые исследования, в 2015–2021 – киберэтнография). В центре ее внимания также находились мобильность субъектов СМ и обмен соответствующими услугами между Россией, Казахстаном и КНР

(состоятельные китайцы составляют основную клиентскую базу ВРТ в Казахстане). Вейс изучала сайты профильных клиник в Санкт-Петербурге и Алматы, специализированную рекламу, форумы суррогатных матерей и потенциальных родителей; она также провела серию опросов с участием русскоязычных репропренеров, которые с нуля организовали «суррогатный бизнес» в Казахстане, проживая в США. Что же касается Лаоса (исследовательский проект А. Виттакер), то здесь сбор эмпирических данных был затруднен вследствие полулегального и «гибридного» характера практик СМ в этой стране. С 2015 г. Лаос, где СМ не регулируется законом, активно развивает трансфер суррогатных матерей из соседнего Таиланда для пересадки эмбрионов на своей территории, после чего гестационные носители обычно возвращаются на родину, где и вынашивают ребенка для заказчика. Таким образом, репрохаб в Лаосе развивается как вспомогательный локус, или промежуточная точка на карте гестационного СМ, запрещенного с недавних пор в Таиланде. По этой причине большинство данных, которые имелись в распоряжении Виттакер, были получены косвенным путем – в рамках более масштабного проекта по эмпирическому изучению ВРТ в странах Юго-Восточной Азии и в Австралии [ibid., p. 309–310].

Сопоставление трех новых репрохабов глобального Юга позволило авторам статьи сделать вывод о том, что не существует какого-либо одного базового фактора, обуславливающего возникновение новых региональных локусов репродуктивного рынка. Так, в Гане предпосылкой стало наличие в стране медицинских специалистов, получивших нужные навыки в Европе, а также поощрение государством частного сектора медицинских услуг. В Казахстане СМ поддерживается национальным законодательством; юридические и бюрократические процедуры установления родства и гражданства очень просты, а географическая близость КНР (где новый средний класс на склоне лет стремится приумножить потомство на фоне послабления законов, регулирующих рождаемость) обеспечивает этой стране постоянный спрос на услуги гестационных носителей, которые принадлежат к той же расе, что и «седовласые заказчики». Наконец, в Лаосе возникновение гибридного локуса СМ опосредовано внешнеполитическими и «теневыми» факторами. В целом репрохабы локального и регионального

уровней следует рассматривать как новую форму глобального транснационального рынка ВРТ и новый вариант коммерциализации СМ, пишут в заключение Виттакер, Герритс и Вейс [Whittaker, Gerrits, Weis, 2022, p. 318].

Материалы настоящего обзора свидетельствуют о наличии сквозных ключевых тем, которые с позиций сравнительной этнографии так или иначе обсуждают участники специального выпуска. Прежде всего это осмысление современных форм СМ как «ансамбля», состоящего из разных акторов – государство, частные клиники, посреднические агентства, юристы и дипломаты, суррогатные матери и потенциальные родители. Такие акторы могут действовать в команде либо вступать в противоречие друг с другом, что становится очевидным, когда речь заходит о «бумажной работе». Далее, практики СМ существуют в сложных геополитических, культурно-исторических, гендерных, расовых контекстах, которые определяют траектории их развития посредством невидимых структурных факторов. Наконец, в условиях глобального транснационального рынка репродуктивных услуг и «суррогатного бизнеса», СМ становится мощным инструментом формирования идентичности – личностной, гражданской, гендерной, расовой и т.п. Поэтому перспективным представляется сравнительный этнографический анализ локальных и глобальных представлений, связанных с практикой СМ [Shifting surrogacies, 2022, p. 241].

Список литературы

Jacobson H. Labor of love : gestational surrogacy and the work of making babies. – New Brunswick (NJ) : Rutgers university press, 2016. – 218 p.

Jacobson H., Rozeé V. Inequalities in (trans)national surrogacy : a call for examining complex lived realities with an empirical lens // International journal of comparative sociology. – 2022. – Vol. 63, N 5/6. – P. 285–303.

König A., Jacobson H. Reprowebs : a conceptual approach to elasticity and change in the global assisted reproduction industry // BioSocieties. – 2021. – 09 October. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41292-021-00260-6> (accessed: 20.01.2023).

König A., Majumdar A. Paperwork : following the trail of (identity) papers in transnational commercial surrogacy // International journal of comparative sociology. – 2022. – Vol. 63, N 5/6. – P. 247–264.

Ragoné H. Surrogate motherhood : conception in the heart. – Boulder (CO) : Westview press, 1994. – 232 p.

Rudrappa S. *Discounted life : the price of global surrogacy in India*. – New York : New York university press, 2015. – 224 p.

Shifting surrogacies : comparative ethnographies / König A., Whittaker A., Gerrits T., Rozeé V. // *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5/6. – P. 235–246.

Whittaker A., Gerrits T., Weis Ch. Emerging «repronubs» and «repreneurs» : transnational surrogacy in Ghana, Kazakhstan, and Laos // *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5/6. – P. 304–323.

References

Jacobson H. *Labor of love : gestational surrogacy and the work of making babies*. – New Brunswick (NJ) : Rutgers university press, 2016. – 218 p.

Jacobson H., Rozeé V. Inequalities in (trans)national surrogacy : a call for examining complex lived realities with an empirical lens. *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5–6. – P. 285–303.

König A., Jacobson H. Reproweb : a conceptual approach to elasticity and change in the global assisted reproduction industry. *BioSocieties*. – 2021. – 09 October. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41292-021-00260-6> (accessed: 20.01.2023).

König A., Majumdar A. Paperwork : following the trail of (identity) papers in transnational commercial surrogacy. *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5–6. – P. 247–264.

Ragoné H. *Surrogative motherhood : conception in the heart*. – Boulder (CO) : Westview press, 1994. – 232 p.

Rudrappa S. *Discounted life : the price of global surrogacy in India*. – New York : New York university press, 2015. – 224 p.

Shifting surrogacies : comparative ethnographies / König A., Whittaker A., Gerrits T., Rozeé V. *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5–6. – P. 235–246.

Whittaker A., Gerrits T., Weis Ch. Emerging «repronubs» and «repreneurs» : transnational surrogacy in Ghana, Kazakhstan, and Laos. *International journal of comparative sociology*. – 2022. – Vol. 63, N 5–6. – P. 304–323.